

МИХАИЛ ГАРЦЕВ

Мне есть что предъявить

Михаил Гарцев

Мне есть что предъявить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12260688

ISBN 978-5-4474-3213-3

Аннотация

На фоне полного беспредела постмодернизма, эквилибристики и жонглирования словами, когда художественный образ – законная и свободная природа формообразования энергии духа – уходит в ничто, еще можно встретить и другие тексты. Здесь читателю не нужно пробиваться к авторскому замыслу через нагромождение метафор, частокोल символических структур и мутный поток «вещных» образов. Гражданственность и честность художника освещают путь читателя к незамутненному и животворящему источнику ИСТИННОГО СЛОВА.

Содержание

«Ну, вот и всё...»	6
Примитивизм, или Ответ эстетам-формалистам	7
«Замок жемчужный...»	9
«С детства вижу картинку...»	11
Ты – дом моего бытия	12
Подражание Бродскому	14
Лицедей	16
«Вот и закончились сказки...»	18
Из глубинной психологии	19
«Куст одинокий...»	21
«Идеально рассчитано...»	23
«С этой песней протяжной и тяжкой...»	24
«Вчера дождь лил, как из ведра...»	26
Пророк 2	29
Zhvanetskomu-Zadornovu	32
Чемпионату мира по футболу посвящается	33
«Чтоб не спугнуть парящий символом- мячиком рок...»	33
«Решающий мяч – в перекладину...»	35
«Играя в вихре ярких красок...»	37
«Ты на кресте распят и предан...»	38
Триптих 2	39
Крещение	41

Экскурсия в Бамберг	42
«Круговорот воды в природе...»	45
«Каскад прудов, заброшенных, ничейных —...»	46
«Гроздья гнева свисают...»	48
«Реальное непостижимо...»	50
Смута царит на Руси	52
...А потехе час	54
Tsinichное	56
«Я спешу по утрам к метро-по-литену...»	58
«Громов громогласный раскат...»	60
«Течение жизни скоротечно...»	61
«Душа зачала – узник плоти...»	63
Ты меня прости, солдатик	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Мне есть что предъявить

Михаил Гарцев

© Михаил Гарцев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

«Ну, вот и всё...»

Ну, вот и всё.
Последний росчерк
пера, зажатого в руке,
и целый ряд безмолвных точек
растает где-то вдалеке

И там, летя в пыли астральной,
в наплыве лунных анфилад,
всей сутью нематериальной
ты ощутишь ТОТ терпкий взгляд
со дна хрустального колодца
в янтарном просверке конька,
и крепко сдобренный морозцем
ТОТ пряный запах табака.

Примитивизм, или Ответ эстетам-формалистам

Ох, художники-эстеты,
Ваши сочные портреты...
Богатейшая палитра...
Просто глаз не оторвать,
а мы с Нико Пиросмани,
закусив цветком герани,
на расклеенном диване,
оприходовав пол-литра,
распевали... твою мать.

Ох, поэты-формалисты,
Ваши строчки так речисты.
Мысли флёр окутал тонкий,
да и чувств поток не слаб,
а мы с Нико Пиросмани,
нашу встречу остаканив,
в затрапезном ресторане
на застиранной клеёнке
рисовали голых баб.

Ох уж, интеллектуалы,
без штамповки и лекала,
как играете Вы в бисер,

любо-дорого смотреть,
а мы с Нико Пиросмани,
утром встретившись в тумане,
наглотавшись всякой дряни,
по Закону Высших Чисел
не дразнить решили смерть.

Вы рисуете картины,
рассыпая бисерины,
их нанизывая вскоре
на искусственную нить,
а мы с Нико Пиросмани
у последней стали грани,
там за ней нас кто-то манит,
подслащая жизни горечь,
обещая нас любить.

«Замок жемчужный...»

Замок жемчужный
в небе завис одиноко.
Тает окружность
в мареве летнего зноя.
Мир перегружен
вздохами горьких упрёков,
лютою стужей —
нашей с тобою виною.
Символов гряда
в мире разбросана зыбком.
Свет изумруда
в отзвуке горных обвалов.
В толще Талмуда
Библия прячет улыбку.
Из ниоткуда
капля живая упала.
Радужной капли
не удержать на ладони.
Силы иссякли
в мареве знойного лета.
Солнечный маклер
плавится, плачет и стонет.
Звёзды размякли
в хлябях астрального света.

«С детства вижу картинку...»

С детства вижу картинку:

вдаль струится ручей...

Я бессмертной былинкой

на скользящем луче

в непрерывном движенье,

веру в чудо храня,

вдруг замру на мгновенье

у излучины дня.

Перед встречным потоком

всплесков полная горсть.

Стайки трепетных токов,

обретающих плоть.

Ты – дом моего бытия

По правде, эпитет «великий»
навряд ли ласкает мой слух,
отчизны моей светлоликой
смущая помпезностью дух.
У родины вечно на страже
стоим, за отчизну моля...
Но кто же о матери скажет:
ВЕЛИКАЯ МАМА МОЯ?
Хотим её видеть здоровой,
разумной и сильной, как встарь...
Но отзвуки русского слова —
горящий любовью янтарь.
Сбиваю сомнений оковы,
гоню понимание вспять...
ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ СЛОВУ
эпитет «великий» подстать.
Скучаю с тобою в разлуке,
мне тяга к другим – не с руки.
Все иноязычные звуки
ведут к созреванию тоски.
Я стал бы отшельник, молчальник —
мирской суеты мне не жаль —
но я берегу изначально
твою вековую печаль.

Стою часовым на границах
твоей непорочной красоты
в сполохах вечерней зарницы,
и в утренних каплях росы.

С тобой я отважный воитель —
в ладье неземного литья.

Ты – друг мой и ангел хранитель,
ТЫ – ДОМ МОЕГО БЫТИЯ.

Подражание Бродскому

Как саркофаг над Чернобылем
мрачным вырос надгробием,
так надо мной мои фобии.

Кто же мне даст ответ?

Скачут вопросы вечные,
словно друзья беспечные,
клятвы звучат подвенечные...

Мягкий струится свет...

Спору с незримой силою,
плачу и сублимирую,
кто же найдёт мою милую.

Внятная слышится речь:

– Слушай, мужлан неистовый,
коли ты ищешь истину,

коль погрузился в мистику,
должен ты пренебречь
жизни мишурной благодатью,
сладкой манящей радостью.

В Лоне Великой Слабости
верен останься Ей.

Это твоё избрание,
мягкое звёзд сияние,
рек полноводных слияние
в мутном потоке дней.

Это Её решение,
тусклое звёзд свечение,
над здравым смыслом глумление.
Чем же ты Ей так мил?
Знать, на тебе отметина,
тает в зубах сигаретина,
стынет на вилке котлетина.
В жилах избыток чернил.
Будут ли в жизни женщины,
будут разрывы, трещины.
Всё, что тебе завещано, —
только Она сбережёт.
Что Вы смотрите, архаровцы,
как я шагаю к старости,
я не нуждаюсь в жалости.
Выставьте гамбургский счёт.
В жарких Её объятиях
мне не страшны проклятия
пишущей нашей братии.
Сказано ведь: «Иди!»
Вот я иду и каркаю,
кровью порою харкаю,
где б взять бумагу немаркую.
Нет мне назад пути.

Лицедей

Постиг ты тайны лицедейства,
и вот заслуженный финал:
в восторге рукоплещет зал.
Достигнув в действе совершенства,
гордись, ты про-
фесси-
онал.

И вновь на сцене, в сердце ярость,
как улей, растревожен зал,
в тебя вопьются сотни жал,
но, подавляя страх и слабость,
гордись, ты про-
фесси-
онал.

Судьбе порою шлѐшь проклятья.
Тебе претит страстей накал.
Ты равнодушен и устал,
но ждут поклонников объятья.
Гордись, ты про-
фесси-
онал.

Так что ж, всему виной тщеславье.
Жизнь – фарс. Грядёт последний бал.
Проворный занесён кинжал.
Бессмертье действу иль бесславье?
Ответь ты, про-
фесси-
онал.

«Вот и закончились сказки...»

Вот и закончились сказки.
Отголосила гроза.
Желто-багровые краски
кружатся в сумраке вязком,
неба надорваны связи
и голосуют вновь за
то, чтоб сменилась погода.
Хмурая мглистая хлябь
к нам снизойдёт с небосвода.
В панцире громоотвода
выползет новая явь.
Снег, как лачком-с, всё покроет,
и тишина, тишина...
Чёрт или буря завоюет
с горя иль просто с запоя...
Грустно мерцает луна.

Из глубинной психологии

Опять в конфликте плоть моя и дух.
Плоть хочет успокоенности сытой,
но духом все дороги перекрыты —
к стенаньям плоти он преступно глух.
Летит себе шальным метеоритом,

и полон гнева, боли и тоски.
Порой взрываясь, но всегда отходчив.
Он не доступен сатанинской порче,
той, что заманит грешника в тиски,
соблазнами зажав ему виски,
среди бела дня иль под покровом ночи.

Когда ж мой дух охватывает гнев,
то он бичует кодлы лицемеров,
служа для всех не то, чтобы примером —
наоборот, все ждут, оцепенев,
когда закончится воинственный распев, —
но сё примеры неподдельной веры.

Тут плоть моя как раз и восстаёт:
«Умерь свой пыл. Ты груб и аутичен,
и нарушаешь правила приличья.
Вот, скажем, жертву растерзает злой койот —

навряд ли кто-то разукрасит гневом рот:
все на земле к подобному привычны».

Так с духом начинает плоть игру.
Концептов, символов, инстинктов и фантазий
пробудится не мало в этой фазе
игры... Не все придутся ко двору
эго-сознания... Но как-то по утру
твой дух в них основательно завязнет.

Продукт срединный станет править бал,
он всё разложит поровну по полкам.
Роптать ты будешь – только втихомолку.
Поэт, не смей – пусть даже ты устал —
терять души слабеющий накал,
сбегай от всех почаще в самоволку.

«Куст одинокий...»

*Я твой пасынок, Родина, я твой пасынок.
Я парнасцами твоими не обласканный.*

Куст одинокий,
импульс новеллы печальной.
Гнёт атмосферы,
и... покатился по свету.
Где же истоки,
где же твой след изначальный?
В пламени веры
жажда ответа,
которого нету.
Кончилась качка,
передохни, друг опальный.
Стихли бои
и не свистят больше пули.
Что же ты плачешь
пасынком родины дальней,
корни твои
сеткой венозной раздулись.
Щедрую почву
тело беззлобно отторгло,
а в поднебесье
птиц перелётная стая...

В круге порочном
ты наступаешь на горло
собственной песне...
...облако медленно тает.

«Идеально рассчитано...»

Идеально рассчитано,
словно Богом даровано.
Шёлком, золотом выткано,
у других не своровано.
Но ногами орудуем
мы на праздничной скатерти.
Всё покатится кубарем
да к такой-то там матери.
Видно, в жизни не ценится
то, что Богом даровано,
и судьба наша мельница
перемелет ворованное.

«С этой песней протяжной и тяжкой...»

С этой песней протяжной и тяжкой
отогреть свою душу присел.

Хлестанула судьбина с оттяжкой,
выпал многим знакомый удел.

И запел, застонал и...
забылся.

Всё куда-то в туман отошло...
словно солнечной влаги напился,
на душе хорошо-хорошо.

Год сидел или месяц,
не знаю,

стал травой и мхом обрастать,
только птиц быстрокрылая стая
позвала меня в небо опять.

Я рванулся...

и вместе со стаей
полетел в перехлёсте огней,
и то место, где сердцем оттаял,
за спиною осталось моей.

Где найду я ещё эту радость,
ту, что глушит отчаянья крик.

Эта сладкая светлая слабость
в этой жизни нам только

на миг!

И так стаи, стада и селенья
всё, что движется, дышит, живёт,
припадут к роднику на мгновенья,
и инстинкт их толкает вперёд!

«Вчера дождь лил, как из ведра...»

Вчера дождь лил, как из ведра,
но вновь прелестная погода,
и вересковый запах мёда
полей вас опылит с утра.

Стоит жара да гладь и тишь.
Клубятся в небе сгустки пара.
Вдруг разыгравшийся котьяра
в прыжке настиг плутовку-мышь.

Породист, ухарь хоть куда,
седой в опалинах красавец.
Любой заезжий иностранец
с ним не сравнится никогда.

Природе, в общем, всё равно.
Кот с мышкой ласково играет:
то бросит вверх и отбегает,
то припадёт и замирает, —
как будто сам не понимает,
чем это кончиться должно.

Он презирает ложный стыд,
он до мышей весьма охочий,

он показать нам очень хочет
крутой охотничий инстинкт.

А я смотрю на этот бред —
смертельную природы ласку.
Тогда любой пусть снимет маску,
и мы увидим – людоед.

Мышь защищается, пищит.
Она сражается, как может,
ей вряд ли что-нибудь поможет.
Кто для неё надёжный щит?

Кот знает все её ходы,
обворожительный убийца...
...И как же так могло случиться,
что виноваты вновь жида.

Телепрограмму Русский дом
ведёт велеречивый Крутов.
Он говорит спокойно, путно.
Об этом говорит, о том.

С ним рядом русский генерал
бичует хитрое еврейство.
Когда-то, мол, без фарисейства
он пел Интер-наци-онал...

...Кот, наконец, прикончил мышь —

красноречивый акт природы —
под яростный восторг народа,
а ты, как истукан, молчишь.

Пророк 2

Я сидел и курил на крылечке,
наблюдая реформ плавный ход,
но зашли ко мне в дом человечки,
объявили, что грянул дефолт.
На лужайке своих пас овечек,
от людской укрываясь молвы.
Прилетели опять человечки,
и не стало овечек, увы.
Мы с женою лежали на печке,
наступление ждали весны.
Заползли к нам в постель человечки,
и не стало, не стало жены.
Отдыхал я однажды у речки
на зелёной, душистой траве.
Вдруг приплыли опять человечки,
поселились в моей голове.
В моём доме четыре протечки,
ни овечек уж нет, ни жены,
но живут в голове человечки,
крутят мне разноцветные сны.
В храм сходил и поставил там свечку,
чтобы сгнуло горе моё,
но живут в голове человечки,
не хотят выходить из неё.

Ни чечен, ни еврей, ни татарин,
ни чистейший по крови русак —
ЭНЭЛОИЭНОпланетянин
в моём доме устроил бардак.
Так не стало мне в жизни покоя,
очевидно, пришёл мой черёд,
и, махнув на свой домик рукою,
я пошёл по дороге вперёд.
По вагонам я стал побираться,
там, где можно, стал песни орать:
«Ах, зачем я на свет появился,
ах, зачем родила меня мать».
Но детина один здоровенный,
отобрав у меня свой оброк,
мне сказал: «Ты, как видно, блаженный», —
по Ахавьеву, типа пророк.
Не просил я у жизни иного,
но начался в ней новый отсчёт.
Про любовь пусть поёт Пугачёва,
про природу пусть Филя поёт.
И живу я – блаженное чудо —
на просторах блаженной страны.
У нас много блаженного люда,
но не каждый дойдёт до сумы.
До тюрьмы здесь доходит не каждый,
но одни мы все песни поём.
Ах, залейте мне, граждане, жажду
из монеток звенящим дождём.
Ах, не верьте, не верьте цыганкам,

ведь обманут, монистом звеня,
Вы мне спиртом наполните банку,
Вы послушайте лучше меня.
Расскажу вам, что ждёт ваших деток,
испытают ли крах и нужду...
Ах, насыпьте, насыпьте монеток,
а потом я всю правду скажу.

Zhvanetskomu-Zadornovu

1

Когда голодный скоморох
толпу заводит эпатажем
и над властителем глумится —
он для сограждан царь и бог:
талантлив, дерзок, непродажен,
их плоть и кровь, он их частица.

2

И нынче смех в телеэфире:
тут КВН, лото, картишки...
Забашлил тот – хохмит другой.
И гладкий сладенький сатирик,
страдая сытою отрыжкой,
пнёт благодетеля ногой.

Чемпионату мира по футболу посвящается

«Чтоб не спугнуть парящий символом-мячиком рок...»

Чтоб не спугнуть парящий символ-мячиком рок,
я встаю с кушетки, держа в руках пульт, осторожно.
Кто же тут правит бал: дьявол или всё-таки Бог?
Траекторию полёта мяча рассчитать невозможно.

Ранее я утверждал, что дороже победных голов,
как разновидность инцеста, – пресловутая духовная
близость.

И действительно, дух поглощает антагонизм полов,
перебарывая природную человеческую стыдливость.

А на футбольном поле, смешивая грязь и пот,
пробуждая в толпе агрессию и слепые витальные силы,
футбольного действия месиво заваривает свой компот,
вытягивая из футболистов последние соки и жилы.

И, внося свою лепту, фальшь бьёт наотмашь и наповал.
Продажность судей оценит даже неисправимый

романтик.

Омерзительно, когда австралийцев выбивают сомнительнейшим пенальти.

Непростительно, когда Германию протаскивают в полуфинал.

Но когда счастливые футболисты от усталости валятся с ног,

а людские сердца от гордости захлёстывают волны спазмов,

я понимаю, что закономерный, спортивный итог выше любых, даже самых одухотворённых оргазмов.

«Решающий мяч – в перекладину...»

Решающий мяч – в перекладину,
и с этим останешься жить.
Все матчи покроются патиной,
но как этот промах избыть?

Все помнят лицо отрешённое
и вопль, вознесённый к богам.
С гримасой, как у
прокажённого,
падёшь ты к Фортуны ногам.

Соперник же радостью светится,
горит в лучезарном огне...
Пройдут и недели и месяцы,
и годы по той же стерне...

Все помнят бесстрашие и мужество,
твой натиск в спортивной борьбе,
но первым в спортивном содружестве
быть выпало, всё ж, не тебе.

Солдаты Фортуны и Случая!
Ваш Выбор – как Вызов богам!
Так брось же, Судьба Невезучая,
Фортуны к солдатским ногам!

«Играя в вихре ярких красок...»

Играя в вихре ярких красок,
звук обнажает темперамент.
Она собой напоминает
в стремительном полёте барса.

В движеньях резких ток играет,
нас погружая в царство транса.
Огня пылающий орнамент
вокруг неё бушует властно.

Очнулись.
Новое виденье.
К нам нежности поток струится
щемящим, мягким, страстным звуком.

В сто раз дороже упоенье.
И сердце бьётся, словно птица,
взмывая к новым сладким мукам.

«Ты на кресте распят и предан...»

Ты на кресте распят и предан.

Ты жертва.

Жертвой стать легко,
брезгливой жалости отведав.

– А благо?

– Благо далеко.

Но Высшее Предназначение
с лица смывает боль и страх,
и вкус хмельного упоенья
на окровавленных губах.

Триптих 2

1

Ты сытый и обутый.
Куда тебя влечет?
Ты алчешь мякоть фрукта,
сорвав запретный плод.
Кто там кричит: «О нравы!»
При чем твой смирный нрав,
ты верный сын державы,
и ты, конечно, прав.

2

Порталы пантеона
то бросят в жар, то в холод.
На знамени Маммона,
а раньше – серп и молот.
Сквозь рыночные жерла
к нам подползает голод.
Какие еще жертвы
ждет кровожадный МОлох?

3

...И губы обметало
у страждущих ответ
расплавленным металлом

взорвавшихся планет.
И я ответ взыскую,
насквозь изрешечен,
вертя турель вслепую
распавшихся времен.
Но солнце вмиг пробило
студенистую рань.
Горящею просвирой
мне обожгло гортань.
Ну, с мертвой точки сдвинься
в слепом круженье дня.
В священном триединстве
он смотрит на меня.
Я верю, очень скоро —
отныне навсегда —
на трепетных просторах
взойдет Его звезда.
Взойдет Его соцветье
на солнечной меже
в конце тысячелетья —
последнем рубеже.

Крещение

В преддверье нового потопа
кто, человек, скажи, ты есть.
И что влечет так на Голгофу
тебя: тщеславие иль месть,
порывы чести и добра...

...Провозгласила отчуждение,
став первой вехой Восхожденья,
измены острая игра.
Идет жестокая работа,
где правит бал сизифов труд,
но поцелуй Искарриота
разрыв земных семейных пут.

...и Он лицо твое омыл
под завывание синкопы...
...и путь открылся на Голгофу
расКРЕпоЩЕНИЕМ
высших сил.

Экскурсия в Бамберг

Стопинг, шопинг, туалетинг...
Разбежались: кто куда...
Интеллекта хилый рейтинг
мой растёт как никогда.

С гидом я веду беседу.
Мы в автобусе – вдвоём.
И, пожертвовав обедом,
заливаюсь соловьём.

– Бамберг разве не бомбили?
– Бамберг не был разбомблён,
хоть бомбившим эскадрильям
был такой приказ вменён.

То ль оплот католицизма
город спас его Святой,
отделивший от нацизма
град, рождённый красотой.

То ли набожные немцы,
смад впитав с таких краёв,
как Дахау иль Освенцим,
сдали город без боёв.

Сколько версиям простора,
но экскурсии отряд
вышел к Домскому Собору —
где царит епископат.

Как темно и мрачно в храме,
а могильники святых,
словно склепы в склепах... Дrame
нашей жизни бьёт под дых

мысль о том, что человеку
ползать суждено в грязи
червяком, и век от века
нам иного не грозит.

Сильно давит атмосфера —
где бал правит аскетизм.
В этом есть, конечно, Вера.
В Вере – свой максимализм.

А потом мы вышли к речке.
Сваи Ратуши в воде,
но сырых следов протечки
в помещеньях нет нигде.

Вихрь закружит жизни светской:
дождик, солнце, смех и спор...
Так Венеции Немецкой

открывается простор.

Я копчёным пивом сказкой
оторвусь и оттянусь,
а немецкою колбаской
закушу хмельную грусть.

Дух костёлов и соборов
с горних стелется высот,
проникая в наши поры —
где царит круговорот

жизни шумной и цветущей,
превращающейся в прах...
Дух влечёт нас в мир грядущий,
перебарывая страх.

«Круговорот воды в природе...»

Круговорот воды в природе,
хоть и чреват разливом рек
при мерзопакостной погоде,
даёт нам мощь из века в век.

Энергия воды целебна:
в её источниках святых
в потоке струй слышны молебны
душ чистых, искренних, простых,

Творцу поющих гимн-осанну,
и гейзер рвётся в небеса,
грозой откуда неустанно
вниз низвергается роса.

Бурлят, клокочут, мчатся воды...
Вливает силу Сам Господь
и в лоно матушки Природы,
и в человеческую плоть.

«Каскад прудов, заброшенных, ничейных —...»

Каскад прудов, заброшенных, ничейных —
куда я прихожу порой вечерней —
покрытых тиной и зелёной ряской,
и водорослей целые семейства
как бы в предчувствии ночного лицедейства
взирают на меня с опаской.

Вода и зелень – символ совершенства.
На свете нет приятнее блаженства
смотреть, как пробуждаются виденья...
Ложится темень на ночные воды,
деревьев тени водят хороводы,
в природе начинается брожение.

Каскад прудов – ПРА-образ древних капищ.
От веток ивы, как от чьих-то лапищ,
я отшатнулся. Пискнула зверюшка...
А на прудах мелькали леших тени,
кузнечик стрекотал, русалок пенье,
вдобавок квакали, как пьяные, лягушки.

И уханье какой-то странной птицы,
желающей воды с гнильцой напиться...

И чваканье, и хруст костей, и шёпот...
А светлячки весь берег запалили,
потом попрятались в бутонах стройных лилий...
...и табунов был слышен гулкий топот.

Но только утренней звезды пробьётся лучик,
ночных мистерий мир тотчас отключат.
В каскаде – пруд один, очищенный от тины.
В нём отразится свод небес лазурный,
он нам дороже прелестей гламурных.
Сменяют шабаш мирные картины.

Зажглись на солнце купола церквушки местной,
лазурь и золото бал правят повсеместно.
Легка дорога к храму и светла.
Святой источник Преподобной Анны
в меня вольёт бальзам небесной манны,
и продолжается игра добра и зла.

«Гроздья гнева свисают...»

Гроздья гнева свисают,
ядовитые спелые гроздья.
Молоко прокисает,
но незыблем семейный уют.
Ты меня не бросаешь,
только крепче сжимаешь поводья.
Я тебя не бросаю,
хоть свистит надо мною твой кнут.

Птица-тройка домчится
по тернистым путям мироздания
до последней страницы —
где готовится Праведный Суд,
и сполохи зарницы
в небе высветят суть Предсказания,
и горящие птицы
с Саваофа десницы вспорхнут.

Всё, что сделал я в жизни,
посвящаю единственной в мире
и родимой отчизне,
от опричнины спасшей меня.
Не забудьте на тризне
в мою честь в затрапезном трактире

вспомнить недругов-слизней.
Я простил! Их ни в чём не виня.

Я тебе присягаю
среди икон, подойдя к аналою.
Моя вера нагая —
за отчизну. Храни её Спас.
Весть – с амвона благая:
наши души не станут золою.
И, как солнце, сверкая,
светит и-коно-стас с верой в нас.

«Реальное непостижимо...»

Реальное непостижимо,
но сон, фантазии, игра,
порой, нам представляют зримо —
во что мы верили вчера;
а то, во что сегодня верим,
вдруг нам предстанет в неглиже,
и тайные раздвинув двери,
вплотную подойдёт к душе.
Архетипическое рядом:
неясных смыслов слышим речь —
из шифров, символов тирады —
мы их должны понять, сберечь.
Мы их должны очеловечить,
наполнив вечное собой,
идя на зов неясной речи
той первобытной тропой,
которой пращуры ходили.
Инстинкты надо подкормить...
Пронесятся автомобили...
...взыграла кровь, прибавив прыть.
С сигарой сидя в грандотеле,
роскошно прожигая жизнь,
мы вдруг услышим птичьи трели,
увидим солнце, неба синь.

И мы поймём: вся наша драма
в том, что роднее нет земли —
где нас вынашивала мама,
где нас любили, берегли.
За отчий край свой, за отчизну,
как в омут с берега нырнув,
солдат готов расстаться с жизнью,
мгновенно, глазом не моргнув.
Мы все – солдаты, неконфликтны,
реликты чтим своих торжеств...
И это главные инстинкты
всех человеческих существ.

Смута царит на Руси

Смута царит на Руси, подрывая основы
существования, и хочется плакать от боли.
В этом вертепе для каждого выбраны роли.
Минин с Пожарским встают – непреклонны, суровы.
Гришка Отрепьев играет в Кремле в подкидного
или с поляками квасит на шумном застолье.

Мнишек Марине своя уготовлена ниша.
Бабы – они закулисье мужицких амбиций:
будь ты плебей или даже известный патриций.
Стимул первейший, согласно учению Ницше, —
это любовь. Обозначена, видимо, свыше
женская роль всех народов, времён и традиций.

Нелегитимность царя – как истоки конфликта
гнева народа с коварством беспомощной власти.
Мор наступает, а также другие напасти,
но пробуждаются в недрах народных реликты,
сгустки энергий, презрев человечьи инстинкты
самосохранности, пассионариев касты.

И ополчение первое – это предтеча
славных побед, где Пожарский и Минин – герои.
А Ляпунов был победы не меньше достоин,

но был своими зарублен, заманен на сечу.
Помня о нём, мы зажжём поминальные свечи,
чарки наполним июльской душистой жарюю.

«За ляпуновых, отмеченных в предков Завете!»
Тост прозвучит наш за тех, кто старался во благо
родины, утром собравшись под прадедов флагом,
не сомневаясь, уйдя с ополчением в бессмертье —
тех, кто в Завет не попал, но за всё был в ответе,
канул в забвенье, но родину спас от варягов.

...А потехе час

*Батилл, надвигаются галлы,
ты, главное влаги налей.*

И. Куттик. Оса Часа

Богемы шальная пирушка —
забористый всплеск бытия.
Упругого всхлипа хлопушка
поднимем бокал за тебя.

Набор полновесный эстетства,
сменяется Шуберга звук,
и жизни расхристанной действо
ткет тонкую пряжу паук.

Конструкций холодных, астральных
жемчужные нити висят,
и правит всем миром вербально
расчетливый пылкий кастрат.

Зарделась от гордости муза,
попав на само острие,
почтенные члены союза
ласкают вниманьем ее.

Что мне горевать на досуге?

Я музу в охапку ловлю.
Хлопушками всхлипов упругих
в небесные сферы палю.

Среди ожерелий астральных,
среди ожирений любви,
среди буйства энергий витальных,
черпающих силу в крови.

А где-то вдали, на востоке
встает голубая заря.
Земли животворные соки,
усталому миру даря.

Стихает ночная пирушка,
светлеет ночной небосвод,
валяется где-то хлопушка.
Усталая муза встает.

Идет величаво и прямо,
и смолкнет любой вития!
В глазах ее терпкий и пряный,
загадочный смысл бытия.

Tsinichnoe

I

Я малую толику яда
плеснул в потемневший бокал,
я малую толику ада
из пачки помятой достал.

И первую толикой смачно
обжег всё нутро, впрыснув яд.
Вторую – с начинкой табачной —
продрало от горла до пят.

И сразу слегка отпустило.
Травиться – нам радость дана.
А там будь что будет... могила
чуть раньше, чуть позже... одна.

II

В петлю лезть он вдруг передумал.
Сцепление выжал, дал газ,
расстался с приличною суммой.
Что делать – зато высший класс...

При жизни мы все незнакомы,
но страх надо как-то бороться...

...голодные губы истомы
впиваются в спелую плоть.

И сразу слегка потеплело.
Влюбляться – нам свыше дано,
а там будь что будет... и тело
чуть лучше, чуть хуже... одно.

III

Рулетка ли кости, картишки...
Не верьте! Душа умерла.
Холодные гладкие фишки
ложатся на бархат стола.

Игры первобытной уроки:
сильнейший слабейшего бьет,
бал правит холодный, жестокий,
как лезвие, честный расчет.

Ну, что ж ты задумался, мальчик?
Забашли – и ты господин,
а там будь что будет... наварчик
чуть больше, чуть меньше... один

«Я спешу по утрам к метро-по-литену...»

Я спешу по утрам к метро-по-литену,
забиваюсь с другими людьми в автобус.
Ускоренье придаст нам крутящийся глобус.
За окном замелькают дорожные сцены,
я хочу осознать алгоритмы замены,
торможу, скрежеща, ибо сам себе тормоз.

Кадры жизни пойдут, как при съёмке рапидом,
и предметы рассыплются вмиг на части.
Вряд ли важно, какой они стали масти,
вычленять не хочу я подвиды и виды...
Только вижу арену кровавой корриды,
где все судьбы в руках анонимной власти.

Я спускаюсь в метро, подхожу к вагону.
Вспышка бьёт по глазам отражением ада.
И уже ничего, ничего нам не надо.
Сверху смотрит на нас, сострадая, Мадонна:
видя наши тела, слыша вскрики и стоны,
в пропасть рушится с нами небосвода громада.

Жизнь абсурд – по Камю нас учили и Сартру.
Меня нет – я разъят на молекул цепочки,

а в ответ разбежится по траурным строчкам
весь мой мир: от цветущих фиалок Монмартра
до заношенной шапки из убитой ондатры,
продолжая свой бег в этом круге порочном,

пищевые цепочки пополняя собою.

Ну, а правда сатрапа и ложь правдолюбца
проливными дождями нам на головы льются...

Мы гордимся планетой своей голубою,
и, бродя по трущобам звериной тропой,
громко воем, завидев абрис лунного блюда.

«Громов громогласный раскат...»

Громов громогласный раскат.
Растенья, увядшие, жгут.
Усталые кони хрипят.
Погром, революция, бунт.

А черти разложат пасьянс,
сдается знакомый расклад.
Фортуна смеется анфас.
Эсер, коммунист, демократ.

Я вижу крутящийся шар.
Я слышу разбойничий свист.
Сминающий душу удар.
Нацист, экстремист, террорист.

«Течение жизни скоротечно...»

Течение жизни скоротечно,
минуя тернии, невзгоды,
несут нас молодости годы
легко,
стремительно,
беспечно.

Но, охватив вдруг взглядом вечность,
поверхность вод в огне лазури,
в нас, словно в круговерти бури,
погрузится на дно беспечность.
Там в глубине прозрачной влаги
увидим струи ржавой грязи.
Цветов песочно-серой бязи
клокочут силы темной флаги.
Так ручеек сверкает чистый,
стрелой стремится к океану,
но превратится в амальгаму,
пристав к любой речушке быстрой.
Ее дыханием омылся,
с ней, только с нею путь свой мерит
и никогда ей не изменит,
он в ней навеки растворился.
И примеси не замечает.
С мечтой о встрече с океаном,

укрывшись сладостным туманом,
он только скорость прибавляет.
Тревожны взрывы темной силы,
рожденной с ним в его истоках,
вкусившей сладость новых соков
из чуждой, инородной жилы.
Войдя в открытое пространство,
он мчит уже немного сонный
в воде туманной и соленой.
В мечтах,
надеждах,
постоянстве.

«Душа зачала – узник плоти...»

Душа зачала – узник плоти.
От гнета раны не уйти.
Гниют раздробленные кости,
и он решил: «Конец пути».

Но дух спортзала шлет нагрузки.
Сквозь отчуждение и вражду
энергии живые сгустки
взрыхляют звездную межу.

За это ТАМ не ждет награда,
но он подходит вновь и вновь
к железным челюстям снаряда
жевать дымящуюся кровь.

Ты меня прости, солдатик

Словно не было убытка
и не срезало ботву,
возвратился я с отсидки
в раздобревшую Москву.
Да, пора, брат, оттянуться,
оттянуться я мастак,
и мне ангелом на блюде
преподносится кабак.
Захожу, как завсегда,
Прямо с места и в карьер,
словно жизнью не помятый
и галантный кавалер.
Для начала, для заправки
закажу я двести грамм.
У меня в кармане справка,
у меня на сердце шрам.
Между столиков колготки
колготятся, вносят торт,
но не лезет водка в глотку,
в глотку водка не идет.
Вспомнил, как на пересылке
в тупике стоял вагон.
В щель, как будто на картинке,
виден был мне весь перрон.

Репродуктор выл от счастья,
плыл дешевенький мотив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.